ЗИГМУНД ФРЕЙД

«ВЛЕЧЕНИЯ И ИХ СУДЬБА»

Вам часто приходилось слышать требование, чтобы наука строилась на основании ясных и точно определенных исходных положений. В действительности никакая, даже самая точная, наука не начинает с таких определений. Настоящее начало научной деятельности состоит в описании явлений, которые впоследствии группируются, приводятся в порядок и во взаимную связь. Но уже при описании нельзя избежать того, чтобы прибегнуть при обработке материала к помощи некоторых отвлеченных идей, которые берутся из каких-либо иных источников, лежащих, несомненно, вне нового опыта. Еще необходимее такие идеи, из которых впоследствии развиваются основные понятия науки, при дальнейшей обработке материала. Сначала они по воле должны оставаться в известной мере неопределенными; о ясном и точном ограничении их содержания не может быть и речи. Пока они находятся в таком состоянии, смысл их определяется постоянной ссылкой на материал опыта, на основании которого они как будто бы создаются, между тем как на самом деле материал этот им подчиняется. Строго говоря, они имеют характер условности, при этом, однако, главная суть заключается в том, что они не выбираются произвольно, а решающее значение при их выборе имеет отношение к эмпирическому материалу, которое предполагается еще раньше, чем его можно точно узнать и доказать. Лишь после того, как основательно обследована вся область изучаемых явлений, является возможность точно определить ее научные основные понятия и последовательно так изменять их, чтобы можно было применять их в большом объеме и освободить их вполне от противоречий. Тогда окажется своевременной формулировка их в точных определениях. Но прогресс понятия не терпит и закоренелости формальных определений. Как показывает блестящий пример физики, и сформулированные в точных определениях «основные понятия» подвержены постоянному изменению своего содержания.

Таким условным, пока еще довольно темным, но в психологии незаменимым основным понятием является влечение. Попробуем с различных точек зрения определить его содержание.

Сначала со стороны физиологии. Она дала нам понятие о раздражении и о рефлексной схеме, по которой внешнее раздражение, действующее на живую ткань (или первое вещество), посредством движения переводится наружу. Это движение целесообразно, так как избавляет раздражаемое вещество от действия раздражителя, удаляет это вещество из среды влияния раздражения.

Как же относится «влечение» к «раздражению»? Ничто не мешает нам поднести понятие о влечении под понятие раздражений: влечение есть раздражение для психического. Но с самого начала мы не станем отождествлять влечение и психическое раздражение. Несомненно, что для психического имеются еще и другие раздражения, кроме раздражений влечений,— такие раздражения, которые имеют гораздо больше сходства с физиологическими. Если, например, на глаз попадает яркий свет, то это не будет раздражением характера влечения; но таковым будет сухость слизистой оболочки глотки или раздражение кислотой слизистой оболочки желудка.

Итак, у нас имеются фактические данные отличать раздражения влечений от раздражений иного рода (физиологических), влияющих на психику. Во-первых, раздражение влечения исходит не из внешнего мира, а изнутри организма. Поэтому оно и влияет иначе на психику и для устранения своего требует иных действий. Далее, все существенное для характеристики раздражения заключается в положении, что оно действует как единичный толчок; в таком случае оно может быть устранено единичным целесообразным движением, типичным примером которого является бегство от источника раздражения. Разумеется, такие толчки могут повторяться и суммироваться, но это ничего не меняет в нашем представлении о процессе и об условиях устранения раздражения. Влечение же, напротив, никогда не производит действия мгновенного толчка, а всегда постоянной силы. Так как оно действует не извне, а изнутри организма, то против него не в силах помочь никакое бегство. Раздражение влечения лучше называть «потребностью», а то, что

удовлетворяет этой потребности, «удовлетворением». Оно может быть достигнуто только целесообразным (адекватным) изменением источника внутреннего раздражения.

Вообразим себя в положении почти совершенно беспомощного, не ориентирующегося в мире живого существа, воспринимающего раздражения при помощи его нервного вещества. Это существо скоро окажется в таком положении, что должно будет начать различать воспринимаемые им раздражения и ориентироваться в них. С одной стороны, оно будет воспринимать раздражения, от которых сможет избавиться посредством мускульного действия (бегства), и эти раздражения, оно будет относить к внешнему миру; а с другой стороны, оно будет испытывать и такие раздражения, по отношению к которым такое действие окажется бесполезным, которые, несмотря на это действие, сохраняют свой характер непрерывного напряжения; эти раздражения являются признаком внутренней жизни, доказательством потребностей влечения. Воспринимающее вещество живого существа сможет, в зависимости от действительности своей мускульной деятельности, различать «внешнее» и «внутреннее».

Итак, мы сначала открываем сущность влечения в его главных признаках, в происхождении из источника раздражения внутри организма, в проявлении в виде постоянной силы, и отсюда выводим один из его дальнейших признаков, состоящий в том, что бегством невозможно избавиться от его действия. При этом изыскании наше внимание должно было быть обращено на одно обстоятельство, заставляющее нас еще кое в чем признаться. Мы не только привносим в материал нашего опыта известные условности в виде основных положений, но еще пользуемся также некоторыми сложными предположениями, чтобы руководствоваться ими при научной обработке мира психологических явлений. На самое важное из этих предположений мы уже указали, нам остается только особенно подчеркнуть его. По природе своей оно относится к области биологии, пользуется понятием тенденции (или же целесообразности) и гласит: нервная система представляет из себя аппарат, на который возложена функция устранять доходящие до нее раздражения,

низводить их по возможности до самого низкого уровня, или же, если бы это только оказалось возможным, этот аппарат стремился к тому, чтобы вообще избегать каких-либо раздражений. Пусть нас пока не смущает неопределенность этой идеи, припишем нервной системе назначение, вообще говоря, справляться с раздражениями. Тогда мы замечаем, насколько введение влечений усложняет простую физиологическую рефлексную схему. Внешние раздражения выдвигают задачу избавиться от них, а совершается это посредством мускульного движения, из которых одно, в конце концов, достигает цели и как целесообразное становится наследственным предрасположением. Возникающие внутри организма раздражения влечений не могут быть устранены при помощи такого механизма. Они предъявляют к нервной системе гораздо более высокие требования, побуждают ее к сложным последовательным деятельностям, настолько изменяющим внешний мир, что он делает возможным удовлетворение внутренних раздражений; но главным образом, они заставляют нервную систему отказаться от своей идеальной цели — устранения всяких раздражений, так как неизбежно поддерживают непрерывный приток. Мы имеем поэтому основание заключить, что именно они, влечения, а не внешние раздражения являются настоящим двигателем прогресса, который довел до современной высоты развития столь бесконечно работоспособную нервную систему. Разумеется, ничто не мешает полагать, что сами влечения, по крайней мере отчасти, представляют из себя осадки влияния внешних раздражении, которые в ходе филогенетического развития вызвали изменения в живом веществе.

Если мы далее находим, что и деятельность самых высоких по своему развитию душевных аппаратов так же подчиняется принципу удовольствия (Lustprinzip), т. е. автоматически регулируется ощущениями удовольствия (Lust) и неудовольствия, неприятности (Unlust), то мы с трудом сможем отказаться от дальнейшего предположения, что эти ощущения отражают именно тот способ, посредством которого происходит преодоление раздражения. Это нужно понимать, несомненно, в том смысле, что неприятные ощущения связаны с повышением раздражения, а приятные ощущения

наслаждения — с понижением его. Но мы не должно забывать, что это предположение содержит очень большую неопределенность, до тех пор пока нам не удастся постичь — какого рода взаимодействия существуют между приятным — неприятным (Lust — Unlust) и колебаниями в величине действующего на душевную жизнь раздражения. Несомненно, что тут возможны очень разнообразные и далеко не простые отношения.

Если мы начнем с биологической точки зрения рассматривать душевную жизнь, то «влечение» покажется нам понятием, стоящим на границе между душевным и соматическим, психическим представителем раздражений, исходящих из внутренностей тела и проникающих в душу, мерилом работы, которая требуется от психики вследствие ее связи с физическим.

Далее мы можем обсудить некоторые термины, употребляемые по отношению к понятию влечения, как-то: импульсивное напряжение, цель, объект, источник влечения.

Под напряжением влечения понимают его двигательный момент, сумму сил или мерило требуемой работы, которую он олицетворяет. Признак импульсивного напряжения составляет общую особенность всех влечений, самую сущность их. Влечение представляет собой известную долю активности; если, не точно выражаясь, говорят о пассивных влечениях, то под этим можно понимать только влечения с пассивной целью.

Целью влечения всегда является удовлетворение, которое может быть достигнуто только посредством устранения состояния раздражения в источнике влечения. Но если даже эта конечная цель и остается неизменной для всякого влечения, то все же к одной и той же конечной цели могут вести различные пути, так что у какого-нибудь влечения могут явиться разнообразные и более близкие промежуточные цели, которые могут комбинироваться друг с другом или заменять друг друга. Опыт позволяет вам говорить о влечениях с задержкой в достижении цели, при которых допускается известная часть удовлетворения влечения, а затем наступает задержка или отклонение от цели. Можно допустить, что с такими процессами все же связано частичное удовлетворение.

Объектом влечения является тот объект, на котором или посредством которого влечение может достичь своей цели. Это самый изменчивый элемент влечения, с ним первоначально не связанный, а присоединенный к нему только благодаря его свойству сделать возможным удовлетворение. Объектом не должен быть непременно посторонний предмет, а может быть также и часть собственного тела. В течение жизненной эволюции влечения объект может меняться сколько угодно раз, эта способность влечения перемещаться с одного объекта на другой может сыграть самую большую роль. Может случиться и так, что один и тот же объект служит одновременно для удовлетворения нескольких влечении: по А. Адлеру2, это случай сплетения влечений. Особенно тесная привязанность влечения к объекту отмечается термином фиксация. Часто такая фиксация создается в очень раннем периоде развития влечения, и этим кладется конец его подвижности, так как такая фиксация очень сильно сопротивляется отделению влечения от объекта.

Под источником влечения понимают тот соматический процесс в каком-либо органе или части тела, раздражение которого в душевной жизни воплощается во влечении. Неизвестно, всегда ли это процесс химический или он может соответствовать также и развитию других, например механических, сил. Изучение источников влечения уже больше не относится к области психологии; хотя происхождение из соматического источника и составляет самый решающий признак влечения, в душевной жизни мы его узнаем только по его целям. Для целей психологического исследования не требуется обязательно точного знания источников влечения. Иной раз можно, зная цели влечения, с полной уверенностью сделать заключение о природе и характере его источников.

Следует ли предполагать, что различные влечения, исходящие из телесного и действующие на психическое, отличаются различными качествами и поэтому в качественном отношении роль их в душевной жизни тоже различна? Для этого как будто нет достаточных оснований; вполне удовлетворительным кажется предположение, что все влечения однородны и действие их зависит только от заключающейся в них величины возбуждения,

быть может, еще и от некоторых функций этой количественной величины. То, благодаря чему отличаются друг от друга психические влияния различных влечений, можно объяснить различием источников этих влечений. Значения качества влечения может быть, во всяком случае, разъяснено только в дальнейшем изложении.

Какие влечения могут быть допущены, и в каком количестве? В этом отношении, очевидно, может иметь место большой произвол. Ничего нельзя возразить против употребления понятий влечение к игре, влечение к разрушению, влечение к общительности в тех случаях, когда этого требует предмет обсуждаемого вопроса и когда такое ограничение психологического вопроса допустимо. Однако нельзя терять из виду и вопроса о том, не допускает ли столь специализированная мотивировка влечений дальнейшего разложения в отношении источников влечения, так что определенное значение может быть признано только за первичными, в дальнейшем неразложимыми, влечениями.

Я предложил различать две группы таких первичных влечений: влечения Я, или самосохранения, и сексуальные влечения. Но это допущение не имеет значения без необходимой предпосылки, как, например, предположения о биологической тенденции душевного аппарата (см. выше); это только вспомогательная конструкция, которая должна быть сохранена лишь до тех пор, пока она оказывается полезной, и замена которой какой-либо другой мало чем изменит результаты нашей описательной и классификационной работы. Поводом к такому допущению послужила история развития психоанализа, который первым объектом своего исследования сделал психоневрозы и именно ту группу их, которая должна быть названа «неврозами перенесения» (истерия, невроз навязчивости), и при этом пришел к выводу, что в корне всякого подобного заболевания лежит конфликт между требованиями сексуальности и «Я». Однако все же возможно, что более глубокое изучение других невротических заболеваний (в первую очередь нарциссических психоневрозов, шизофрении) заставит изменить эту формулу и сделать новую перегруппировку первичных влечений. Но в настоящее время нам не известна эта новая формула,

и у нас нет ни одного довода, говорящего против такого противопоставления влечений Я и сексуальных влечений.

Я вообще сомневаюсь, чтобы можно было на основании обработки психологического материала получить какие-либо решающие указания для разграничения и классификации влечений. Скорее кажется необходимым привнести для этой обработки к имеющемуся психологическому материалу определенные предположения относительно деятельности влечений, и было бы желательно, чтобы была возможность позаимствовать эти предположения из другой научной области и перенести их в психологию. То, что дает нам в этом отношении биология, несомненно, не противоречит такому разделению на влечения Я и сексуальные. Биология учит, что сексуальность нельзя поставить в один ряд с другими функциями индивида, так как тенденции ее идут дальше существования отдельного индивида — имеют своим содержанием появление новых индивидов, то есть сохранение рода. Она показывает нам далее, что в одинаковой мере верно и правильно двоякое понимание взаимоотношений между Я и сексуальностью: одно, по которому главным является индивид, а сексуальность представляет собой только одно из проявлений его деятельности, а сексуальное удовлетворение — одну из потребностей его; и другой взгляд, согласно которому индивид представляет собой только временный и проходящий придаток к будто бы бессмертной зародышевой плазме, доверенной ему родом.

Мнение, что сексуальная функция отмечается особым химизмом от других телесных процессов, составляет, насколько я знаю, также одно из предположений Эрлиха в области биологических исследований.

Так как изучение влечений представляет неопределимые трудности, если подходить к нему со стороны сознания, то психоаналитическое исследование психических нарушений остается главным источником наших знаний. Но в зависимости от хода своего развития психоанализ до сих пор мог дать нам более или менее удовлетворительные сведения только относительно сексуальных влечений, потому что он мог наблюдать эту группу влечений при психоневрозах как бы в изолированном виде. С распространением

психоаналитических исследований на другие невротические заболевания, несомненно, наши знания влечений Я станут более основательными, хотя, кажется, не следует ожидать, что в этой обширной области исследования условия окажутся столь же благоприятными для наблюдения, как в области «неврозов перенесения».

По вопросу об общей характеристике половых влечений можно сказать следующее: они многочисленны, проистекают из разнообразных органических источников, действуют сначала независимо друг от друга и лишь в более поздний период объединяются в более или менее совершенный синтез. Целью, к которой стремится каждый из них, является наслаждение, доставляемое органам; лишь после того, как синтез уже произошел, они начинают выполнять функцию сохранения рода, вместе с чем они получают признание как половые влечения. При первом своем появлении они присоединяются к влечениям самосохранения, от которых отделяются только постепенно, и при нахождении объекта следуют тому пути, который предуказывается им влечениями Я. Часть их на всю жизнь остается присоединенной к влечениям Я, снабжая их либидозными компонентами, которые при условиях нормальной функции легко могут быть не замечены и ясно проявляются только благодаря заболеванию. Они отличаются очень большой способностью замещать друг друга и легко могут менять свои объекты. Вследствие этого либидозные компоненты могут проявляться в такой форме, которая очень далеко ушла от их первоначальных целей (сублимирование).

Мы должны будем ограничить исследование вопроса о судьбе, которой подвержены влечения в своем развитии в течение дальнейшей жизни индивида, сексуальными влечениями, так как последние нам лучше известны.

Наблюдения показывают нам, что эта судьба влечений может быть следующей:

превращение в противоположное;

обращение на собственную личность;

вытеснение; сублимирование.

Так как я не намерен исследовать здесь вопрос о сублимировании, а вытеснению необходимо посвятить особую главу, то мне остается ограничиться описанием и обсуждением только двух первых пунктов. Принимая во внимание те мотивы, которые не дают возможности влечениям прямо проявляться, можно рассматривать судьбу влечений как своего рода отражение, защиту индивида против открытого проявления этих влечений.

При ближайшем рассмотрении превращение в противоположное распадается на два различных процесса: в поворот влечения от активности к пассивности, и в превращение содержания его в противоположное. Так как оба процесса по существу своему различны, то их следует и рассмотреть отдельно.

Примерами первого процесса являются противоположные пары: садизм — мазохизм и любовь к подглядыванию — эксгибиционизм. Превращение касается только целей влечения; вместо активной цели: мучить, разглядывать, становится пассивная: быть мучимым, разглядываемым. Превращение содержания в противоположное имеет место только в одном случае — превращение любви в ненависть.

Обращение против собственной личности становится нам понятным благодаря соображению, что мазохизм представляет собой садизм, обращенный против собственного Я, а эксгибиционизм включает в себя также рассматривание собственного тела. Аналитические наблюдения не оставляют никакого сомнения в том, что мазохист наслаждается истязанием самого себя, а эксгибиционист обнажением своего тела. Сущность процесса составляет, таким образом, перемена объекта при неизменности цели.

Мы не можем не заметить, что в этих примерах сталкиваются или совпадают обращение против собственной личности и обращение от активности к пассивности. Для выяснения взаимоотношения становится неизбежным более основательное исследование.

При противоположной паре садизм — мазохизм можно весь процесс изобразить следующим образом:

а) садизм состоит в насилии, в проявлении своей мощи (силы) по отношению к другому лицу как объекту;

б) от этого лица отказываются и замещают его самим собой. Вместе с обращением против самого себя совершается и превращение активной цели влечения в пассивную;

в) вновь ищется новое лицо в качестве объекта, которое должно взять на себя роль субъекта вследствие изменившейся цели.

Последний случай представляет собой обыкновенно так называемый мазохизм. Удовлетворение и при нем происходит путем первоначального садизма благодаря тому, что пассивное Я фантазии становится на свое прежнее место, предоставленное теперь другому объекту. Безусловно, сомнительно, бывает ли также прямое мазохистское удовлетворение. Первоначального мазохизма, не развившегося описанным путем из садизма, по-видимому, не бывает. Проявление же садистского влечения при неврозе навязчивости показывает, что предполагаемая ступень (б) не является излишней. Здесь имеет место обращение на самого себя, без пассивности по отношению к новому лицу. Превращение достигает только ступени (б). Страсть мучить других превращается в самоистязание, наказание самого себя, но не в мазохизм. Активный глагол превращается не в пассивный, а в возвратный.

Понимание садизма затрудняется еще благодаря тому, что это влечение наряду с достижением своей общей цели (быть может, лучше в пределах последней), по-видимому, стремится еще к специальному действию. Наряду с унижением, преодолением он стремится причинять боль. Однако психоанализ как будто показывает, что причинение боли не играет никакой роли между первичными активными проявлениями влечения. Садистский ребенок не принимает во внимание возможности боли и не намеревается ее причинять. Но раз превращение в мазохизм уже совершилось, то боль очень хорошо подходит к тому, чтобы составить пассивную мазохистскую цель. Так как, у нас имеется достаточно оснований предполагать, что ощущение боли, как и всякие другие неприятные ощущения, передаются половому возбуждению и вызывают состояния наслаждения (Lust), для которого можно охотно мириться с неприятностью боли. А раз ощущение боли стало мазохистской целью, то возвратным путем может развиться и садистская цель — причинение боли

другому, которой можно наслаждаться, причиняя ее другому и одновременно мазохистски отождествляя себя со страдающим объектом. Разумеется, в обоих случаях испытывают наслаждение не от боли, а от сопровождающего ее полового возбуждения, что особенно удобно переживать в роли садиста. Наслаждение болью является, таким образом, первоначально мазохистской целью, но оно может стать целью влечения только у первоначально садистского субъекта.

Для полноты освещения вопроса прибавлю, что сострадание не может быть описано как результат превращения влечения при садизме, а должно быть понимаемо как реактивное образование (реакция - Reaktionsbildung) против влечения (относительно различия см. ниже).

К. несколько иным, более простым результатам приводит исследование другой противоположной пары влечений, имеющих целью разглядывание и показывание себя (Voyeur и эксгибиционист на языке перверсий). И здесь можно установить те же ступени, как и в предыдущем случае:

a) разглядывание в форме активного действия, направленного на посторонний объект;

b) отказ от объекта, обращение влечения к разглядыванию на собственное тело, а вместе с этим поворот к пассивности и появление новой цели — быть разглядываемым;

c) введение нового субъекта, которому показываешь себя, чтобы «быть им разглядываемым».

Вряд ли можно сомневаться в том, что активная цель появляется раньше, чем пассивная, что разглядывание предшествует показыванию себя. Но значительное отличие от случая садизма заключается в том, что во влечении к разглядыванию можно различить еще более раннюю ступень, чем описанная под рубрикой a. Влечение к разглядыванию в начале своего проявления аутоэротично, оно хотя и имеет объект, но объект этот составляет собственное тело. Лишь позже оно производит замену этого объекта (путем сравнения) аналогичным объектом постороннего тела (ступень a). Эта предварительная ступень интересна тем, что от нее исходят оба противоположных положения

окончательной пары, в зависимости от того — наступает ли изменение в тот или другой момент развития (до ступени a или в ступени b). Схема влечения к разглядыванию имеет приблизительно следующий вид:

a) разглядывать самому половой орган - разглядывать самому собственный половой орган;

b) разглядывать самому чужой объект (активное влечение к разглядыванию);

c) быть разглядываемым посторонним в качестве собственного объекта (наслаждение при показывании — эксгибиционизм).

Такой предварительной ступени нет у садизма, который с самого начала направлен на посторонний объект, хотя совсем не было бы бессмысленным сконструировать такую фазу, исходя из стараний ребенка овладеть своими членами.

К обоим рассматриваемым здесь примерам влечений относится замечание, что превращение влечения посредством поворота от активности к пассивности и обращения на самого себя никогда не распространяется на влечение во всем его объеме. Более старое активное направление влечения в известной мере сохраняется наряду с более молодым, пассивным даже и в том случае, если процесс превращения влечения зашел очень далеко. Относительно влечения к разглядыванию самым правильным было бы сказать, что все ступени развития влечения, как предварительная аутоэротическая ступень, так и активная и пассивная конечные формы его, существуют одновременно, и это утверждение становится совершенно очевидным, если в основу своего суждения положить не действия, на которые влечение толкает, а механизм удовлетворения. Впрочем, возможно, было бы правильно держаться еще одного способа понимания и изложения этих явлении. Все проявления влечений можно разложить на отдельные, разделенные, временные промежутки и одинаковые за весь период данного (любого) промежутка, толчки относящиеся друг к другу, как, например, последовательные извержения лавы. В таком случае можно себе представить, что первый и самый первоначальный порыв влечения протекает без изменений и не претерпевает вообще никакого

развития. Следующий порыв с самого начала подвергается изменению, вроде поворота в сторону пассивности, и присоединяется затем к прежнему течению, сохраняя свой новый характер пассивности, и так далее. Если бросить взгляд на данное влечение с начала его зарождения до определенного момента, то описанная последовательность порывов, толчков должна дать картину определенного развития влечения.

Тот факт, что в определенный поздний период развития влечения можно наблюдать его (пассивное) противоположное течение, заслуживает быть отмеченным, и назван прекрасным термином, введенным Ёзефом Бреером,— амбивалентность.

Ход развития влечения становится нам понятным, если иметь в виду всю историю развития его и постоянство серединных ступеней. Опыт показывает далее, что размеры наблюдаемой амбивалентности меняются в высокой степени у индивидов, человеческих групп или рас. В ярко выраженной амбивалентности влечений у современного человека можно видеть архаическое унаследование, так как у нас есть основание полагать, что в первобытные времена известная часть непревращенных активных импульсов в проявлениях влечений была большей, чем теперь. Мы уже привыкли называть нарциссизмом раннюю фазу развития Я, когда половые влечения удовлетворяются аутоэротически, не исследуя пока вопроса о взаимоотношениях между нарциссизмом и аутоэротизмом. В таком случае мы должны сказать, что предварительная ступень влечения к разглядыванию, когда объектом разглядывания является собственное тело, относится к проявлениям нарциссизма, представляет собой нарциссическое образование. Из этой ступени развивается активное влечение к разглядыванию благодаря тому, что оно разрывает с нарциссизмом, между тем как пассивное влечение к разглядыванию крепко держится нарциссического объекта. Точно также превращение садизма в мазохизм означает возврат к нарциссическому объекту, между тем, как и в том и в другом случае нарциссический субъект заменяется другим посторонним Я посредством идентификации. Принимая во внимание конструированную нарциссическую предварительную ступень садизма, мы

приближаемся к более общему взгляду, на то, что судьба влечений, выражающаяся в обороте к собственному Я, и превращении из активности в пассивность, зависит от нарциссической организации Я, и носит на себе печать этой фазы развития. Такая судьба, может быть, соответствует попыткам отражения, которые на более высоких ступенях развития Я достигаются другими средствами.

Тут мы должны вспомнить, что до сих пор наш разбор касался только двух противоположных пар: садизм — мазохизм и страсть к подглядыванию — страсть к показыванию себя. Это самые известные амбивалентно встречающиеся сексуальные влечения. Остальные компоненты позднейшей сексуальной функции еще не доступны в достаточной мере анализу, чтобы могли быть разобраны таким же образом. О них мы можем сказать в общем, что они появляются аутоэротически, то есть что объект их исчезает, уступая место органу, являющемуся их источником, и обыкновенно совпадает с ним. Объектом страсти к разглядыванию, хотя сначала и составляющим часть собственного тела, является, однако, не сам глаз, а при садизме органический источник влечения — вероятно, активная мускулатура, определенно указывает на другой объект, хотя бы и на собственном теле. При аутоэротических влечениях органический источник играет настолько решающую роль, что, согласно приемлемому предположению П. Федерна и Л. Джекелса, форма и функция органа имеют решающее значение при определении активности и пассивности цели влечения.

Превращение влечения в его (материальную) противоположность наблюдается только в одном случае, при превращении любви в ненависть. Так как оба эти чувства особенно часто одновременны по отношению к одному и тому же объекту, то это одновременное существование представляет собой самый лучший пример амбивалентности чувств.

Случай любви и ненависти приобретает особый интерес благодаря тому обстоятельству, что он не подходит под картину нашего описания влечений. Нельзя сомневаться в теснейшей связи между этими двумя противоположными чувствами и сексуальной жизнью, но нельзя согласиться с взглядом на

способность любить как на особое частичное влечение, подобное другим влечениям. Скорее следует видеть в способности любить выражение всего сексуального стремления полностью, но и это оказывается не совсем верным, и не знаешь, как понимать материальную противоположность этого стремления.

Любовь способна не только на одну, но и на три противоположности. Кроме противоположности любить — ненавидеть, имеется еще другая противоположность любить — быть любимым, и, кроме того, «любить» и «ненавидеть», вместе взятые, противопоставляются еще состоянию индифферентности, или равнодушия. Из этих трех противоположностей вторая, т. е. любить — быть любимым, соответствует обороту от активности к пассивности и допускает возможность упрощения до одной основной ситуации, как страсть к разглядыванию. Эта ситуация гласит: любить самого себя для нас характеризует нарциссизм. В зависимости от того, происходит ли замена объекта или субъекта, получается активное стремление любить или пассивное стремление быть любимым, причем последнее остается близким к нарциссизму.

Вероятно, можно приблизиться к лучшему пониманию различных противоположностей «любить», если принять во внимание, что душевной жизнью владеют три полярности, противоположности:

субъект (Я) — объект (внешний мир),

удовольствие, наслаждение (Lust) — неудовольствие,

активный — пассивный.

Противоположность Я — не Я (внешнее) (субъект — объект), как мы уже упоминали, рано навязывается каждому живому существу благодаря сделанному наблюдению, что оно может успокоить внешние раздражения при помощи мускульных действий, а против раздражения влечений оно совершенно беспомощно. Особенно в своей интеллектуальной деятельности оно остается самодержавным, и этим создается основание для развития способности к исследованию внешнего мира, которое никакими стараниями не может быть изменено. Полярность наслаждение — неудовольствие (Lust — Unlust) связана с целым рядом ощущений, решающее влияние которых на наши поступки (волю) уже подчеркивалось. Противоположность активный — пассивный

нельзя смешивать с противоположностью Я - субъект — внешнее - объект. Я относится пассивно к внешнему миру, поскольку получает от него раздражения; активно — когда реагирует на эти импульсы раздражения. Но к особенной активности по отношению к внешнему миру его вынуждают влечения, так что, подчеркивая самое существенное, можно сказать: Я - субъект относится пассивно к внешним раздражениям и активно — благодаря собственным влечениям. Противоположность активный — пассивный сливается позже с противоположностью мужской — женский, которая до этого момента слияния не имеет никакого психологического значения. Спайка активности с мужественностью, пассивности с женственностью выступает перед нами как биологический факт; но она никоим образом не проявляется так исключительно и так сильно, как мы склонны полагать.

Эти три психические полярности вступают между собой в объединения, имеющие очень большое значение. В одной первичной психической ситуации сталкиваются два из них. Сперва, в самом начале душевной жизни, Я находится во власти влечений и отчасти способно удовлетворять самим собою свои влечения. Это состояние мы называем нарциссизмом, а возможность удовлетворения — аутоэротической3. Внешний мир в этот период жизни не привлекает к себе (вообще говоря) интереса и безразличен для удовлетворения влечений. В то время Я - субъект совпадает, таким образом, с тем, что дает наслаждение, внешний мир — с безразличным (иногда и неприятным как источником раздражения). Если мы охарактеризуем любовь пока как отношение Я к источникам своего наслаждения, то ситуация, в которой Я любит только самого себя и равнодушно к окружающему миру, выясняет первую из противоположностей, которую мы нашли по отношению к «любить».

Я не нуждается во внешнем мире, поскольку оно аутоэротично, но оно получает из этого мира объекты вследствие переживаний влечений к самосохранению и не может избежать того, чтобы не воспринимать в течение некоторого времени внутренние раздражения влечений как неприятные. Находясь во власти принципа удовольствия, Я проделывает дальнейшее

развитие. Оно воспринимает в себя предлагаемые объекты, поскольку они являются источниками удовольствия, интроэцирует их в себя (по выражению Ференца), а с другой стороны, отталкивает от себя все, что внутри него становится поводом к переживанию неудовольствия, неприятного (см. ниже механизм проекции).

Таким образом, оно из первоначального реального Я, различавшего внутреннее и внешнее на основании хорошего объективного признака, превращается в чистейшее «наслаждающееся Я» (Lust-Ich), для которого признак наслаждения выше всего. Внешний мир распадается для него надвое: на часть, доставляющую наслаждение, которую оно воспринимает в себя, и на остаток, чуждый ему. Из собственного Я оно отделило часть, которую отбрасывает во внешний мир и ощущает его как враждебный. После такой перегруппировки снова восстанавливаются обе полярности:

Я - субъект — с наслаждением;

внешний мир — с неудовольствием (с прежним безразличием).

Вместе с проникновением объекта в ступень развития первичного нарциссизма достигает своего развития и вторая противоположность любви — ненависть.

Как мы слышали, объект преподносится Я из внешнего мира влечениями к самосохранению, и нельзя не согласиться с тем, что и первоначальный смысл ненависти, выражает отношение к чужому, доставляющему раздражения внешнему миру. Индифферентность подчиняется ненависти, неблагосклонности как специальная форма ее, после того, как она появлялась сначала как предшественница. Внешнее, объект, ненавистное были сначала идентичными. Если позже объект превращается в источник наслаждения, то он становится любимым, но в то же время сливается с Я, так что для чистого «Я - наслаждение» объект опять-таки совпадает с чужим ненавистным.

Но теперь мы начинаем замечать, что, подобно тому, как противоположная пара любовь — индифферентность отражает полярность Я — внешний мир, так вторая противоположность любовь — ненависть воспроизводит связанную с первой полярность удовольствие —

неудовольствие. После того как чисто нарциссическая ступень становится ступенью объекта, удовольствие — неудовольствие показывает отношение Я к объекту. Если объект становится источником ощущения наслаждения, то выявляется такая ситуация, которая притягивает объект к Я, сливает его с Я, мы говорим тогда также о «притяжении», которое оказывает дающий наслаждение объект, и говорим, что любим этот объект. Наоборот, когда объект делается источником неприятных ощущений, неудовольствия, то возникает потребность увеличить расстояние между ним и Я, повторить на нем первоначальную попытку бегства от посылающего раздражения внешнего мира. Мы ощущаем «отталкивание» объекта и ненавидим его; эта ненависть может впоследствии усилиться до склонности к агрессивным действиям против объекта, до намерения уничтожить его.

Можно было бы, в крайнем случае, сказать про какое-нибудь влечение, что оно «любит» объект, к которому стремится для своего удовлетворения. Но странно звучит для нас выражение, что влечение «ненавидит» объект, и это обращает наше внимание на то, что отношение любви и ненависти неприменимы к отношениям влечений к своим объектам, а только к отношениям всего Я к объектам. Но наблюдения над безусловно глубокими по своему смыслу оборотами нашей речи указывают нам на дальнейшие ограничения значения любви и ненависти. Относительно предметов, служащих целям самосохранения, не говорят, что их любят, а подчеркивают, что нуждаются в них и выражают еще другого рода отношения, употребляя слова, обозначающие очень ослабленную степень любви, как, например, охотно то-то делаю, нахожу приятным, мне нравится.

Слово «любить» все больше приближается к сфере чистых отношений наслаждения Я к объекту и, в конце концов, фиксируется на объектах, в тесном смысле сексуальных, и на таких объектах, которые удовлетворяют потребности сублимированных сексуальных влечений. Отделение влечений Я от сексуальных, которое мы навязали нашей психологии, оказывается, таким образом, в полном согласии с духом нашего языка. Если у нас нет привычки говорить, что отдельное сексуальное влечение любит свой объект, но мы

находим самое большое соответствие в употреблении слова «любить» для обозначения отношений Я к своему сексуальному объекту, то наблюдение показывает нам, что применение этого слова для обозначения этих отношений начинается только с момента синтеза всех частичных влечений сексуальности под приматом гениталий и в целях продолжения рода.

Замечательно, что в употреблении слова «ненавидеть» не проявляется такая близкая связь с сексуальным наслаждением и с сексуальной функцией, а решающее значение, по-видимому, имеет только отношение неприятного, неудовольствия. Я ненавидит, испытывает отвращение, преследует с целью разрушения все объекты, которые становятся для него источником неприятного, независимо от того, лишают ли они его сексуального удовлетворения или удовлетворения потребности самосохранения. Можно даже утверждать, что настоящие прообразы отношений ненависти исходят не из сексуальной жизни, а из борьбы Я за самосохранение и самоутверждение.

Любовь и ненависть, представляющиеся нам полными материальными противоположностями, находятся друг к другу все же не в простых взаимоотношениях. Они произошли не из расщепления чего-то, первоначально общего, а имеют различное происхождение и прошли — каждое чувство в отдельности — особый путь развития до того, как сформировались в противоположности под влиянием отношений наслаждения — неудовольствия. Здесь перед нами возникает задача дать цельное и полное описание того, что нам известно о происхождении любви и ненависти.

Любовь берет свое происхождение из способности Я удовлетворить часть своих влечений аутоэротически, испытывая наслаждение от функции органов. Первоначально она нарциссична, затем переходит на объекты, которые сливаются с расширенным Я, и выражает в виде источника наслаждения моторное стремление Я к этим объектам. Она тесно соединяется с проявлениями позднейших сексуальных влечений, и, после того как их синтез закончен,— с сексуальным стремлением в полном его объеме. Предварительные ступени любви, оказывается, совпадают с временными переходными сексуальными целями в тот период, когда сексуальные влечения

проделывают свой сложный путь развития. Как первую из этих предварительных ступеней любви, мы отмечаем стремление поглотить — вид любви, соединяющийся с прекращением реального существования объекта и поэтому заслуживающий название амбивалентного. На более высокой ступени сексуальной садистско-анальной организации отношение к объекту проявляется в форме стремления, которому безразлично, будет ли при этом подавлен или уничтожен объект. Эту форму предварительной ступени любви по ее отношению к объекту вряд ли можно отличить от ненависти. Только по формировании генитальной организации любовь становится противоположностью ненависти.

Как проявление отношения к объекту ненависть старше любви, она соответствует самому первоначальному отстранению нарциссическим Я внешнего мира, доставляющего раздражение. Как выражение вызванной объектами реакции неудовольствия ненависть сохраняет тесную связь с влечениями самосохранения, так что между влечениями Я и сексуальными влечениями легко могут образоваться отношения противоположности, повторяющей такое же отношение между ненавистью и любовью. Если влечения господствуют над сексуальными влечениями, как, например, на ступени садистско-анальной организации, то они придают и цели влечения характер ненависти.

История развития и отношений любви объясняет факт, что она так часто проявляется амбивалентно, т. е. сопровождается ненавистью по отношению к тому же объекту. Примесь ненависти в любви отчасти происходит от не вполне преодоленной предварительной ступени любви, отчасти она вытекает из реакций отклонения этого чувства со стороны влечений Я, которые могут оправдываться реальными актуальными мотивами при столь частых конфликтах между интересами Я и любви. В обоих случаях, следовательно, примесь ненависти исходит из источника влечений к самосохранению. Если любовные отношения к какому-нибудь объекту обрываются, то нередко вместо них появляется ненависть, отчего у нас получается впечатление превращения любви в ненависть. Но более широкий, чем описанный, взгляд обнаруживает,

что мотивированная реальными причинами ненависть усиливается еще вследствие регрессии любви на предварительную садистскую ступень, так, что ненависть приобретает эротический характер и создается, таким образом, ненарушимость любовных отношений.

Третья противоположность любви, превращение «любить» в «быть любимым» соответствует действию полярности активности и пассивности, и ее следует рассматривать так же, как случаи страсти к разглядыванию и садизма. Обобщая, мы можем особенно подчеркнуть, что участь влечений состоит, в сущности, в том, что влечения подвергаются влиянию трех больших полярностей, господствующих в душевной жизни. Из этих трех полярностей активность — пассивность можно было бы назвать биологической, Я — внешний мир назвать реальной и, наконец, наслаждение (Lust) — неудовольствие, неприятное (Unlust) — экономической полярностью.

Судьба влечения вытеснения составит предмет следующего исследования.